

А. В. Загуменнов

**СЛОЖНЫЕ СЛОВА В ТЕКСТАХ ФЕДОРА ИВАНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПИСЬМА...» И «ЧЕЛОБИТНОЙ...» 1666 ГОДА)**

5

Обосновывается связь сложных слов с общим содержанием двух документов в письменном наследии одного из идеологов русского церковного раскола второй половины XVII в. и с его картиной мира. Цель работы – рассмотрение текстов дьяка Федора Иванова в призме идей диахронической лингвистической персонологии. Содержание статьи обусловлено ее методикой: приемом сплошной выборки (в результате которой получены 193 лексемы с несколькими корнями), контекстным анализом и интерпретацией. К предварительным результатам в историко-лингвистической плоскости относится нахождение значения для 3 единиц, не зафиксированных в исторической лексикографии, а также уточнение для еще одного слова хронологии употребления. Итоги с позиций диахронической лингвоперсонологии: осуществлена фрагментарная реконструкция картины мира Федора Иванова исходя из языковых средств и текстовых отсылок. Делается вывод о наличии смысловой структуры, частично отображенной первыми корнями сложных слов.

This article draws a connection between compounds, on the one hand, and the general meaning of two documents from the manuscript legacy of an ideologist of the mid-17th-century Russian Orthodox schism and his worldview, on the other. The study aims to consider through the prism of diachronic linguistic personology the texts authored by the dyak Fedor Ivanov. The content of the article is a product of its methodology, namely, continuous sampling, using which 193 with several roots were obtained; context analysis; and interpretation. From the perspective of historical linguistics, preliminary results include establishing the meaning of three units that were absent in historical lexicography and revealing chronological usage of another word. From the perspective of diachronic personology, the main finding is the fragmentary reconstruction of Ivanov's worldview, using linguistic devices and text references. It is concluded that the first roots of compounds partially reflect the semantic structure present in the two texts.

Ключевые слова: языковая личность, сложные слова, лексика, текст, лингвоперсонология, XVII в., раскол.

Keywords: linguistic personality, compound words, lexis, text, linguistic personology, 18th century, raskol.

Введение

Вероятно, исследование и сложных слов, и речи отдельных лиц в XIX столетии представлено уже в научных опытах А. С. Шишкова [29];

30]. С этого периода оба объекта изучения были актуальны и присутствовали в отечественной филологической науке с той лишь разницей, что за счет победы структурно-системной парадигмы [14] вопросы лексики и морфемики были распределены по соответствующим ярусам лингвистического представления о грамматике ([5] и др.). В свою очередь, линия «истории» лингвоперсонологии как научной дисциплины оформлена в изданиях трудов различных ученых последних 50 лет ([2; 12] и т.д.). В настоящем исследовании такие объекты, как «сложные слова» и «языковая личность», переплетены.

Это не исключает интереса к традиционным для исторической грамматики проблемам морфемики и морфологии [26], лексикологии [9; 17; 22], стилистики [3; 16; 27] и не противоречит ему. Наша работа относится и к указанной выше линии изучения материала, и к тому корпусу работ, которые реализуют «антропоцентрический» подход к системным изменениям [7; 11; 24]. К сожалению, количество исследований, посвященных XVII столетию [10; 25], кажется недостаточным на фоне суммы работ, изучающих следующую за ним «петровскую эпоху» (подробнее в библиографии). Ключевое отличие предложенной работы – в адаптации идей «Тверской герменевтической школы» к тексту отдаленного темпорального среза. Такая исследовательская установка обозначается нами как «герменевтико-феноменологический подход».

Методы и материал

Ключевыми методами исторической лингвоперсонологии в свете отстаиваемого нами подхода являются реконструкция, моделирование и интерпретация, причем последняя нередко задействует в своей сфере контекстный анализ и прием сравнения. Эта часть исследовательского арсенала предполагается из дефиниции объекта изучения.

Известно, что, согласно определению Ю.Н. Караулова, языковая личность есть «личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [14, с. 38]. При этом моделирование на историческом лингвистическом материале во многих диссертациях ([1; 6; 20] и др.) выявило отображение картины мира на уровне, который всегда рассматривался как «нулевой». К этим же выводам за пределами лингвоперсонологии пришли как в самих филологических дисциплинах [4; 15], так и в отдельных направлениях культурологии [18]. Следовательно, картина мира языковой личности представлена и на вербально-семантическом, и на лингво-когнитивном, и на мотивационном уровнях (подробнее в [14]), но только на первом из перечисленных нет «закрепленных за ментальностью» единиц. В нашем изложении, исходя из перечисленных выше работ, таковыми могут являться сложные слова.

Материалом для обоснования этого предположения послужили два текста, созданные одним из выдающихся расколуучителей второй половины XVII в., авторитетным не меньше, чем огнеопальный протопоп Аввакум, и, по словам современников, «паче иныхъ въ божественномъ писаніи потрудившимся и много полезное о церкви вѣдущимъ» [19, с. VI].

Избранные сочинения привлекают внимание и по той причине, что, относясь к деловой письменности новорусского периода, они не укладываются в рамки последней. Сложные слова в достаточном объеме обнаруживаются как в «региональных» житиях святых, так и в славянских переводах с греческого языка [28], но по отношению к челобитным и грамотам чаще говорят о церковнославянских элементах как о некотором архаическом или единичном явлении. В двух текстах Федора Иванова обнаруживается в точности обратная ситуация.

При сравнительно одинаковом объеме в опубликованном виде «Письмо», поданное собору российских архиереев на допрос 11 мая 1666 года» [19, с. 1–21] и «Челобитная царю Алексею Михайловичу, поданная в 1666-мъ году» [19, с. 21–45] практически совпадают и по сумме сложных слов (99 и 94 соответственно). Эту совокупность мы распределили на три категории: 1) с наибольшей частотностью; 2) со средней частотностью; 3) с единичным числом употреблений. Ниже представлены результаты анализа первых двух групп лексики.

Результаты

Представляется целесообразным дифференцировать полученные лексические группы по соответствующим «пунктам» для удобства восприятия и изложения.

1. В «Письме...» из 99 словоупотреблений наибольшей частотностью обладают единицы с корнем *жив-* (19), *бог-* (17), *прав-* (14), *благ-* (8).

1.1. Первый из указанных случаев представляет собой повторение «Животворящаго» [19, с. 7–13, 15, 18, 20]. Это употребление напрямую связано с обсуждением восьмого члена Символа веры, в который сторонники реформы патриарха Никона вносили исправления. Федор Иванов выписывает из различных источников формулировку догмата, доказывая тем самым, что это — устойчивый и «истинный» вариант. Получается, что в данном случае сложное слово обнаруживает связь «Письма» с текстами культуры (и «текстом культуры» по Ю.М. Лотману).

1.2. Вторая сумма включает: 12 — сочетания *бог-+слов-* (Богослова [19, с. 1]; Богослова [19, с. 9], богословію [19, с. 11], богословль [19, с. 14], богословль [19, с. 14], Богослова [19, с. 15], Богослова [19, с. 17], богословить [19, с. 18], богословія [19, с. 19], Богословъ [19, с. 19], богословіи [19, с. 20], богословле [19, с. 20]); 3 — *бог-+род-* (Богородицъ [19, с. 16; 16; 18], а также *бог-+ступ* (богоотступнаго [19, с. 15]) и *бог-+хул-* (богохульня [19, с. 15]).

1.3. В состав подгруппы слов с корнем *прав-* вошли: 12 — *прав-+слав-* (православномъ [19, с. 4], православныя [19, с. 7], православной [19, с. 8], православныя [19, с. 8], православно [19, с. 9], православныхъ [19, с. 10], православныя [19, с. 13], православныя [19, с. 14], православныя [19, с. 15], православныя [19, с. 15], православныя [19, с. 17], православныя [19, с. 17]); 2 — *прав-+вер-* (правовѣрніи [19, с. 7], правовѣрныхъ [19, с. 14]).

1.4. Сумма фактов с первым элементом *благ-* включает: 2 — *благ-+вер-* (благовѣрнаго [19, с. 5] благовѣрный [19, с. 8]); 2 — *благ-+вещ-* (благовѣщенскаго [19, с. 1; 7]); 2 — *благ-+слов-* (благословить [19, с. 4]; благословеніи, [19, с. 7]); 1 — *благ-+суд-* (благоразсудите [19, с. 3]); 1 — *благ-+чест-* (благочестивымъ [19, с. 8]).

2. В «Челобитной» распределение иное. Из 94 словоупотреблений наибольшей частотностью обладают единицы с корнем *бог-* (21), *благ-* (12), *прав-* (6), *злат-* (5).

2.1. Первый из указанных случаев включает 8 сочетаний *бог-+род-* (Богородицу [19, с. 27], Богородительница [19, с. 27], Богородица [19, с. 27], Богородичнахъ. [19, с. 27], Богородицъ [19, с. 32], Богородице [19, с. 32], Богородице [19, с. 32], Богородице [19, с. 33]), 3 — *бог-+слов-* (Богословъ. [19, с. 27], богословіи [19, с. 29], Богословъ, [19, с. 40]); 2 — *бог-+мол-* (богомалець [19, с. 21], богомалець [19, с. 24]), а также единичные факты по типу богомерзскія [19, с. 26], богоносныхъ [19, с. 29], богохранимое [19, с. 35], боголюбцы [19, с. 39], богоотступнаго [19, с. 40], богомудрымъ, [19, с. 43], богострасникъ [19, с. 29], богоснабдимое [19, с. 42]. Последние два случая не встречаются ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ни в выпусках «Словаря русского языка XI — XVII вв.», ни в изданиях «Словаря русского языка XVIII в.». По этой причине необходимо обратиться к контексту употребления.

Слово *богострасникъ* [19, с. 29] образовано от *бог-+страстник* — «1. Несчастный, жалкий человек. 2. Страдалец, мученик, подвижник. 3. Грешник. 4. Передача греч. Ἀθλητής 'борец, атлет'. 5. Вм. сострастникъ 'сподвижник'» [23, т. 28, с. 137]. Употреблено в контексте: «А трема, государь, персты, Троицею (безъ воплощенія Христова и страстей его) крестъ знаменати хулно есть и нечестиво: въ богострасникъ впадывають ересь, аще и не хотящимъ имъ» [19, с. 29]. Конечно, с точки зрения семантики общее значение допустимо определить как «тот, кто борется с Богом, или выступает против Бога». Вместе с тем данным словоупотреблением фиксируется отображение религиозной картины мира в религиозном дискурсе [13] на вербально-семантическом уровне языковой личности. Отрицание соединения человеческого и божественного во втором лице Троицы — Иисусе Христе — было присуще как гностическим сектам (патрипассиане II в.), так и собственно христианским лжеучениям (несторианство в V в.).

Слово *богоснабдимое* [19, с. 42] образовано от *бог-+снабдимое* ← *снабдити* — «1. Сохранить (хранить), уберечь (беречь), спасти (спасать). 2. Позаботиться, оказать поддержку; обеспечить присмотр, уход (за кем-, чем-л.). 3. Соблюсти (соблюдать); исполнить (завет, заповедь и т.п.). 4. Снискать, приобрести, получить. 5. Кого чем. Обеспечить, снабдить» [23, т. 25, с. 241—242]. Употреблено в контексте: «А что ни законоположилъ Никонъ кои догматы, не полезны суть церкви; но таковыми, государь, раздоры гнѣвъ Божій наводятъ на богоснабдимое твое царство, кои церковь Христову гоняють». Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «то, что уберегается Богом».

2.2. Вторая группа наиболее употребительных слов включает первый корень *благ-*. В указанную сумму вошли единицы с 5 сочетаниями *благ-+слов-* (благословень [19, с. 23], благословень [19, с. 23], благословень [19, с. 24], благословимъ [19, с. 31], благословилъ [19, с. 43]); 4 – *благ-+чест-* (благочестія [19, с. 34], благочестія [19, с. 35], благочестія [19, с. 39], благочестивыхъ же [19, с. 44]); 2 – *благ-+дар-* (благодаримъ [19, с. 23], благодаримъ [19, с. 24]); 1 – *благ-+вест-* (благовѣстія [19, с. 40]).

2.3. Третья группа включает наиболее употребительные случаи с первым корнем *прав-*, который встречается в одном определенном составе лексемы, но в разных падежных формах и частях речи (православія [19, с. 22], православнаго [19, с. 30], православныя [19, с. 30], православнаго [19, с. 35], православная [19, с. 35], православный [19, с. 36]).

2.4. Четвертая совокупность слов включает наиболее употребительные случаи с первым корнем *злат-* (Златоустовыхъ [19, с. 23], въ Златоустовѣ [19, с. 24], Златоустаго [19, с. 32], Златоуста [19, с. 34], Златоустый [19, с. 42]).

Демонстрируемые результаты позволяют выявить в пределах фрагмента дискурса некоторый стабильный (или стабилизирующий?) лексический пласт в том типе коммуникации, где эти единицы практически не встречаются. Обратим внимание на два полученных нами ряда:

жив- (19), *бог-* (17), *прав-* (14), *благ-* (8);
бог- (21), *благ-* (12), *прав-* (6), *злат-* (5).

При значительном расхождении в «крайних» звеньях (*жив-* и *злат-*) оставшиеся три компонента с разным количественным показателем сохраняются. Теперь, описав слова с наибольшей частотностью (первая из выделенных нами групп), переходим к представлению результатов анализа второго перечня (со средней частотностью).

3. В «Письме...» эту категорию составляют единицы с первым корнем *все-/выш-* (4), *христ-/час-* (3), *един-/злат-/киев-/мал-/рук-/три-/шесть-* (2). Учитывая, что сразу несколько групп оказались идентичны количественно, ниже они даны под общими пунктами изложения.

3.1. В первом из указанных случаев обнаруживается следующее распределение: 2 – *все-+свец* (всеосвѣщенному собору [19, с. 1]; всесвященнаго собора [19, с. 5]); 2 – *все-+губ-* (всепугубномъ [19, с. 2]; всегубительство [19, с. 2]); 3 – *выш-+рек-* (Вышереченныхъ [19, с. 3]; вышереченная [19, с. 3], вышереченнымъ [19, с. 10]); 1 – *выш-+пис-* (вышеписанному [19, с. 17]).

3.2. Вторая группа со средней частотностью представляет собой повторение слова в разных формах (царь христоробивый, [19, с. 3], христоробивое [19, с. 13], христоробивное [19, с. 20]) и незначительное усложнение основы за счет суффикса (Часословахъ [19, с. 7], Часословахъ, [19, с. 9], Часословець [19, с. 9]).

3.3. Последний ряд, в котором были обнаружены по 2 употребления, нами просто перечисляется без детального разбора. Единосущнаго [19, с. 11], единосущна [19, с. 12], Златоустаго [19, с. 8], Златоустый [19, с. 11], киевопечерскому [19, с. 5], киевопечерскому [19, с. 12], мало-

російстіи [19, с. 15], малоросіянь [19, с. 15], рукописанныхъ [19, с. 10], рукописаны [19, с. 11], трикраты [19, с. 11], трикраты [19, с. 18], шестьсотъ [19, с. 15], шестидесяти [19, с. 18].

4. В «Челобитной» распределение следующее. Средней частотностью обладают единицы с корнем *свят-* (4), *все-* (3), *дет-/един-/зем-/лже-/нов-/перв-/сам-/свящ-/тр(и/оє)-/христ-/час-/чуд-* (2).

4.1. В первом из указанных случаев обнаруживаются сочетания: *свят-+благ* (святоблаженного [19, с. 44]), *свят-+гор-* (святогорскихъ [19, с. 30]), *свят-+маз-* (Святопомазанному [19, с. 21]) и *свят-+тат* (святотатцы, [19, с. 44]).

4.2. Вторая группа со средней частотностью представляет собой употребления *все-+держ-* (Вседержителю [19, с. 33]), *все-+род-* (всенародному [19, с. 25]), *все-+цел-* (всездѣлая [19, с. 27]).

4.3. Самое массивное скопление наблюдается у единиц, где первый корень идентичен только в двух сложных словах. В этот перечень вошли такие словоупотребления, как дѣтородительница [19, с. 27], дѣтворительницу [19, с. 27], Единосушнѣи [19, с. 24], единоголасное [19, с. 25], земледѣлателей [19, с. 28], земледѣлатели [19, с. 28], лжепророцы [19, с. 40], лжехристи [19, с. 40], новопретворной [19, с. 23], новопретворныя [19, с. 24], претворенна [19, с. 37], претворящаяся [19, с. 37], самодержцу [19, с. 21], самодержавне [19, с. 21], священнодѣйства [19, с. 25], священномученика [19, с. 33], Трисвятому [19, с. 28], троеженца [19, с. 28], христоролюбивый царю [19, с. 22], христороподобная [19, с. 36], Часословцахъ [19, с. 32], Часословахъ [19, с. 33], чудотворца, [19, с. 24], чудотворца, [19, с. 24]. В этом перечне два факта требуют отдельного комментария.

Слово *лжехристи* [19, с. 40] не встречается в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, а также в выпусках «Словаря русского языка XI – XVII вв.», однако оно включено в «Словарь русского языка XVIII века». Поэтому мы приводим контекст, уточняя тем самым время бытования этой лексемы. «И сама истина, Христосъ Спасъ нашъ, глагола многажды ученикомъ своимъ: блюдитесь, да никтоже васъ прелститъ, мнози бо востануть лжехристи и лжепророцы, и многихъ прелстятъ, аще возможно и избранныя» [19, с. 40]. Особенность этого контекста заключается в том, что, будучи ссылкой на текст Евангелия (Мф. 24: 4–5; Мк. 13: 5–6; Лк. 21: 8), он не является его буквальной воспроизведением. Приведем для сравнения фрагменты из Острожской библии 1581 г. издания.

1. Евангелие от Матфея: «Блудѣте, да никтоже васъ прелститъ. мнози бо прудѣтъ въимамое, глвци, азъ емь хі, и многи прелстятъ» [21, с. об. лѣ гї].

2. Евангелие от Марка: «Блудѣте ел, да никтоже васъ прелститъ. мнози бо прудѣтъ въ имамое глвци, како азъ емь, и многи прелстятъ» [21, с. лѣ кд].

3. Евангелие от Луки: «Блудѣте, да не прелстятъ васъ. мнози бо прудѣтъ въ имамое глвци, како азъ емь. и время приближиса. низудѣте оубо вѣль ихъ.» [21, об. лѣ м].

Сложное слово *лжехристи* предстает как результат смысловой компрессии [2] языковой личностью прецедентного текста. Это, в свою очередь, еще одна фиксация отображения религиозной картины мира в пределах вербально-семантического уровня пишущего.

Слово *дѣтородительница* [19, с. 27] не встречается ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ни в выпусках «Словаря русского языка XI–XVII вв.», ни в «Словаре русского языка XVIII века». Образовано от *дѣт- + родительница* – «Родительница, мать (тж. образно и перен.)» [23, т. 22, с. 185]. Употреблено в контексте: «И пресвятую Богородицу нарекли дѣтотворительницу. а индѣ написали: дѣтородительница» [19, с. 27]. Исходя из фрагмента, общее значение можно определить как «мать детей». Основной пафос возражения Федора Иванова заключается в противоречии догматическому богословию (и тогда, и сейчас). Мария именуется «Богородица» потому, что «субъектом рождения от Нее является Сын Божий, ибо во Христе, в силу единства Лица (речь идет об ипостаси Троицы. – З. А.), нет никого другого, кто мог бы родиться от Нее» [8, с. 149]. Богородица – это единственная, Дева, которая участвовала в вочеловечении Иисуса; дѣтородительница – любая женщина, родившая ребенка «естественным» путем.

Подводя промежуточный итог рассмотрению второй группы слов (со средней частотностью), вновь обратимся к двум полученным рядам из первых корней (полужирным выделим совпадения):

все- / выш- (4), *христ- / час-* (3), *един- / злат- / кiev- / мал- / рук- / три- / шесть-* (2).

свят- (4), *все-* (3), *дет- / един- / зем- / лже- / нов- / перв- / сам- / свяц- / тр(и/ое)- / христ- / час- / чуд-* (2).

Как демонстрирует наше исследование, в группе со средней частотностью при сравнении двух текстов также сохраняются идентичные компоненты.

Обсуждение

Во введении мы обозначили наши координаты исследования как «герменевтико-феноменологический подход». В силу объема нет возможности подробнее остановиться на широком освещении разработок наших предшественников – Г. Г. Шпета, В. В. Виноградова, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина, Г. И. Богина и др. На это требуется отдельная теоретическая статья, однако в этом пункте изложения частично будет представлен вариант интерпретации полученного лексического массива.

Вернемся к двум рядам слов со средней частотностью, которые включали первые элементы:

все- / выш- (4), *христ- / час-* (3), *един- / злат- / кiev- / мал- / рук- / три- / шесть-* (2);

свят- (4), *все-* (3), *дет- / един- / зем- / лже- / нов- / перв- / сам- / свяц- / тр(и/ое)- / христ- / час- / чуд-* (2).

Из этого перечня «поместим за скобки» (Э. Гуссерль) все различное, оставив только «чистую», формальную идентичность:

все- (4), *христ-/час-* (3), *един-/три-* (2);

все- (3), *един-/тр(и/ое)-/христ-/час-* (2).

Представленные соответствия в более пространной перспективе оказываются связанными с содержанием двух текстов Федора Иванова. *Все-* старые книги не содержат ошибок и в них нет раскола, а *все-* недавно напечатанные или переведенные под руководством патриарха Никона содержат опечатки и неточности. *Христ-*, *три-*, *един-* уже содержат намек на связь трооперстия с сущностью представлений о Иисусе Христе как об особом единстве – истинном Боге и истинном человеке одновременно. *Час-* в тексте обозначает книгу для церковной службы, но и время, отражая мысль Федора Иванова, что наступает *время антихриста*, который воцарился в русской церкви согласно предсказанию из «Откровения» Иоанна Богослова.

Теперь проведем аналогичную операцию для всего различного, убрав все тождественное:

выш- (4), *лат-/киев-/мал-/рук-/шесть-* (2);

свят- (4), *дет-/зем-/лже-/нов-/перв-/сам-/свящ-/чуд-* (2).

Вопреки различию по форме, этот перечень частично связан с предыдущим как компонент единого смысла. *Лат-*, *свят-* намекают, исходя из содержания грамот, что Златоуст и святые отцы древности говорили об обрядовой стороне вернее, чем священники (*свящ-*) и новые (*нов*) переводы богослужебных текстов. *Чуд-*, *рук-* также сигнализируют о том, что определенного перстосложения при крестном знамении придерживались конкретные люди, вошедшие в предание как чудотворцы, и что рукописные книги, в том числе и других стран (*зем-*), вернее нынешних напечатанных. В итоге (с точки зрения Федора Иванова) поносятся и лица, связанные с Богом (*выш-*), и правитель государства (*сам-*), который допустил искажение (*лже-*) Никоном догматов, чего ранее на Руси в таком масштабе не было (*перв-*).

Выводы

Сложные слова в двух текстах Федора Иванова функционально принадлежат не только к вербально-семантическому уровню языковой личности пишущего. В одних случаях они выступают как точка связи с сетью многочисленных памятников письменности, объединенных сферой прочтения и использования (*Животворящаго*), в других – как указание на прецедентный феномен, будь то имя человека (*Богородица*, *Златоустый*), книги (*Часословахъ*), состояния (*богоснабдимое*), факта церковной истории (*богострасникъ*). Сложные слова оказываются результатом компрессии смысла, становясь производным от существовавших ранее контекстов (*лжехристи* вместо *антихриста*). Первые корни рассмотренных единиц в пространстве содержания двух текстов оказываются тематически обусловленными и связанными с более крупными фрагментами документов. Это позволяет утвердительно го-

ворить о наличии смысловой связи, периферийно оформленной элементами естественного языка на письме в определенный момент письма, то есть «здесь и сейчас». В перспективе дальнейших исследований — проработка текущих выводов в свете отечественной филологической герменевтики и феноменологии языка.

Список литературы

1. Аникин Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет : в 2 т. Тверь, 2009. Т. 1.
3. Валентинова О. И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №3 (48). С. 109–118. doi: 10.20916/1812-3228-2016-3-109-118.
4. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998.
5. Вопросы семантики: Исследования по исторической семантике : межвуз. сб. Калининград, 1982.
6. Гайнуллина Н. И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 1996.
7. Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17, №4. С. 40–54. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
8. Давыденков О. В. Катехизис. Введение в догматическое богословие. М., 2014.
9. Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Лексические средства создания образов подвижниц благочестия в агиографических текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, №4. С. 75–87. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.6>.
10. Ерохина Е. А., Люцидарская А. А., Березиков Н. А. Административное регулирование и самоорганизация как факторы стабилизации сибирского социума в XVII в.: этносоциальный аспект // Идеи и идеалы. 2017. №2 (32). С. 44–59 doi: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-44-59.
11. Запольская Н. Н. Парадоксы атрибуции в грамматиках церковнославянского языка XVII — начала XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2017. Т. 16, №4. С. 41–49. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.2>.
12. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
15. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
16. Косова М. В. Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, №2. С. 6–15. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1>.
17. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, №3. С. 9–29. doi: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028.

18. Луков В. А. Тезаурусный анализ в гуманитарном знании: итоги проекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С. 125–136.
19. *Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита* : в 9 т. М., 1875–1895.
20. Никитина А. Ю. Языковая личность Екатерины Второй : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014.
21. Библия. Острог, 1581.
22. Русанова С. В. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, №2. С 16–26. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>.
23. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* : в 30 вып. М., 1975–2015.
24. Трофимова Ю. М. Когезия в когнитивном моделировании исторического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. №1. С. 82–90.
25. Усков В. А., Порошина К. В. Российское государство и общество в начале XVII в.: дискуссионный аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №11 (1). С. 136–140. doi: 10.20310/1819-8813-2016-11-1-136-140.
26. Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на -ств/о/ в русском языке XVIII в. (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, №4. С. 58–74. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.5>.
27. Хромов О. Р. Букварь Кариона Истомина с рукописными дополнениями Диомида Яковлева сына Серкова как памятник русской книжности XVII века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. №1 (22). С. 1019–1031. doi: 10.1080/10609393.2015.1200360.
28. Чернышева М. И. Уходящие слова, ускользающие смыслы: историко-лексикологические исследования. М., 2009.
29. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. Ч. 4. СПб., 1825.
30. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. Ч. 6. СПб., 1826.

Об авторе

Александр Владимирович Загуменнов – канд. филол. наук, Вологодский строительный колледж, Россия.
E-mail: zaw1991@mail.ru

The author

Dr Alexander V. Zagumennov, Vologda Construction College, Russia.
E-mail: zaw1991@mail.ru